

Андрей Рогозянский

Как экономика делает нас несчастными

И можно ли это исправить

Какого человека «лепит под себя» современная экономика? Почему этот человек оказывается не только уязвимым перед внешними потрясениями, но и психологически, внутренне неустойчивым? И какие возможности открывает нам пугающий финансовый кризис?

Ното есономісус и его психология

Экономика — квинтэссенция и нерв современности, ее горячая тема. Нередко ее противопоставляют духу как область сугубо материальных устремлений, рыночного азарта и прагматического бухгалтерского расчета. Действительно, ното есономісус, «человек экономический», — психология, формирующаяся под влиянием рынка, — вызывает в свой адрес многочисленные критические замечания. Впервые на экономизацию человечества начинают обращать внимание в XIX веке, когда всё большее число людей включается в сложно устроенные механизмы производственных и торговых отношений.

Практицизм, делячество всегда присутствовали в человеческой истории. У Гёте:

*Что осязать нельзя — то далеко для вас;
Что в руки взять нельзя — того для вас и нет,
С чем не согласны вы — то ложь одна и бред,
Что вы не взвесили — за вздор считать должны,
Что не чеканили — в том будто нет цены.*

Скупердяй Скруджд из диккенсовской «Рождественской истории» и беспринципный мошенник Чичиков, скупающий мертвые души; банкиры и биржевики, исполненные алчности, у Бальзака и Теккерея... Литература и философия в меру своих возможностей оппонировали распространяющейся шире и шире коммерциализации жизни. В.Белинский говорит: «Торгаш — существо, цель жизни которого — нажива, она — что морская волна: не удовлетворяет жажды, а только сильнее

раздражает ее. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману».

Образы карьеристов и стяжателей представляются в негативном свете, высмеиваются. Эрих Фромм иронически рисует образ «человека-товара» в виде сумок на магазинном прилавке, которые внезапно обрели человеческие способности мыслить и чувствовать. «Каждая сумка, — пишет немецкий философ, — старалась бы быть как можно „привлекательнее“, чтобы привлечь покупателей, и выглядеть как можно дороже, чтоб получить цену выше, чем ее соперницы. Сумка, проданная по самой высокой цене, чувствовала бы себя избранницей, поскольку это означало бы, что она самая „ценная“ из сумок; а та, которая не была продана, чувствовала бы себя печальной и прониклась бы сознанием собственной никчемности. Такая судьба могла бы выпасть сумке, которая, несмотря на свой отличный вид и удобство, имела несчастье выйти из моды. Подобно сумке, человек должен быть в моде — на личностном рынке, а чтобы быть в моде, ему нужно знать, какой вид личности пользуется повышенным спросом. Это знание сообщается в общем виде на протяжении всего процесса воспитания, от детского сада до колледжа, и восполняется в семье».

Общественная дидактика периода СССР целиком основывается на мотивах антиутилитаризма, критики наживы и социальной несправедливости. В антиутопии «Незнайка на Луне», представленной иносказательно, в форме детской сказки, Николай Носов рисует мир, полностью подчиненный рыночным закономерностям. Прежде посещения Луны коротышки-земляне не имели понятия о деньгах, ➡

Почему меновщики — разбойники?

И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников (Мф 21:12–13).

При чтении этого фрагмента Евангелия может возникнуть вопрос — о каких меновщиках идет речь? Дело в том, что в Иудее тогда были в ходу несколько денежных систем. Римские динарии и греческие драхмы были в обращении наряду со статирами — монетами, которые иудейские правители династии Маккавеев когда-то чеканили в городе Тир. Это были те самые сребреники, полученные Иудой за предательство Христа. В повседневной торговле употреблялись все три вида денег — и динарии, и драхмы, и статир. Подати римскому императору иудеи платили римскими динариями. А вот ежегодный налог на Иерусалимский храм и вообще любое денежное пожертвование в храмовую сокровищницу можно было принести только сребрениками. Поэтому паломникам сначала нужно было поменять свои деньги на статир. Эту операцию и выполняли менялы (меновщики), которые ставили свои столы прямо у входа в Иерусалимский храм. За свои услуги они брали комиссию, которая составляла почти две трети от обмениваемой суммы. Но на этом изъятие денег у паломников не заканчивалось. Далее, на полученные статир они должны были тут же, во дворе Храма, приобрести животных для принесения в жертву. Стоили они здесь в разы дороже, чем в городе, но паломники все же покупали животных именно у Храма. Дело в том, что храмовые служители проверяли все принесенные жертвы на отсутствие дефектов (а за проверку также приходилось платить). Чужой товар после такой экспертизы крайне редко получал положительное заключение. Чтобы избавиться от этой процедуры, люди вынуждены были покупать животных для жертв при храме, втридорога. Поэтому Иисус и назвал меновщиков и продавцов скота разбойниками, обирающими богомольцев.

частной собственности, о долговых процентах, бирже и прочем. Пончик, товарищ Незнайки по путешествию, — один из самых глупых и ленивых коротышек. Удивительно, но он быстрее всего приспособляется к лунным условиям. Пончик обнаруживает, что лунная кухня совсем незнакома с приправой в виде поваренной соли. Проявив предприимчивость, Пончик на Луне выбивается в соляного магната. Он проводит беззаботную, праздную жизнь в удовольствиях и посмеивается над товарищами, не сумевшими постичь выгод товарно-денежных отношений.

Полвека тому назад носовский «Незнайка на Луне» прочитывался как политическая карикатура. Но пройдет немного времени, и «время — деньги», «если ты такой умный, то почему такой бедный», — станут девизами капитализма, перешедшего на российскую почву. Из отрицательных, комических персонажей дуремары и пончики станут если не героями нового времени, то вполне обыденным явлением.

Универсальной мерой становятся деньги. «Не аплодируйте, лучше деньгами». Ничего странного нет, например, в том, чтобы сравнивать между собой произведение живописи и пару ботинок. С позиции рынка каждый предмет имеет свою меновую стоимость; множество пар ботинок вполне могут «равняться» одному произведению живописи.

Всё, что не является предметом обмена, трактуется как ненужное, избыточное либо легко покупаемое. Один автор ярко иллюстрирует философию денежного могущества: «Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину. Выходит, я не уродлив, ибо действие уродства, его отталкивающая сила, устраняется деньгами...»

Новый стандарт взаимоотношений, формируемый эпохой развитого рынка, оказывается холодным и обособленным. Удачно преподнести себя и сбывать собственные способности — самоощущение homo economicus определяется экономическим успехом, ценой, которую за него дали. Засуха настигает взаимоотношения друзей и членов семей. Еще бы, в условиях рынка каждый выступает сам за себя и занят «продвижением» собственных интересов.

Прогресс и процветание представляются как будто особым законом мироздания: мир неуклонно и непреодолимо движется ко временам устроенности; пять золотых, вечером закопанных в землю, наутро просто обязаны прорасти деревом, блистающем во все стороны света золотыми лучами. Прийти к достатку и самодостаточности — закономерность, остаться в числе бедноты — исключение из правил. Никаких особенных даров и способностей при этом уже не требуется. Главное — узнать, в каком месте больше платят.

С течением времени мировоззрение homo economicus обнаруживает всё большую узависимость, а индивидуализм и меркантильный расчет затрудняют и тормозят развитие общественных отношений и институтов, отрицательно сказываясь в том числе на экономическом росте. Современность заходит в тупик, она остро взыскует новых начал солидарности. Кризис еще более обостряет вопрос о гуманитарных основаниях человеческой деятельности в сферах техники, торговли и организации производства.

Господствующая экономическая теория подвергается сомнению, активно переосмысливается. «Вся современная „рациональная“ организация, — пишет философ и культуролог, профессор Александр Панарин*, — на самом деле полна прорех, неоговоренных условий деятельности, невознаграждаемых усилий. Иными словами, всякая общественная деятельность, всякая кооперация людей наряду с эквивалентным обменом требует бескорыстно авансированного доверия, заранее не предусмотренной инициативы, спонтанных импульсов жизни, неукротимых, как сама природа».

Доверие как двигатель экономики

Credit — заглавие правой колонки в бухгалтерских книгах, означающее буквально: «он верит». Кредитование имеет громадное значение для современного бизнеса. Как это ни удивительно, данная формальная категория из мира денег исходно бази-

Засуха настигает взаимоотношения друзей и членов семей. Каждый выступает сам за себя и занят «продвижением» собственных интересов.

руется на моральном и гуманитарном фундаменте — доверии к заемщику, к лицу либо организации, берущим под обязательства деньги в долг.

«Мы неверно понимаем источники материальных благ, — говорит Мэтью Стюарт, автор книги «Миф о менеджменте». — Мы думаем, что они имеют своей причиной технологию или профессиональный опыт. Но главный источник — это то, что мы называем доверием. Готовность людей довериться друг другу в экономических делах — вот самый важный источник богатства в современном обществе».

Новое есть хорошо забытое старое. Доверие — цемент, которым скрепляется в обществе кладка из отдельных индивидуальных «кирпичиков». В более динамичном представлении, доверие есть функция соотношения частей и целого. Взаимодействуя на основании доверия, отдельные люди и общности образуют систему более высокого порядка. «Единица» и «единица», соединяемые вместе, дают больше, чем простая арифметическая двоица. Утрата доверия, напротив, влечет за собой понижение качества, вплоть до того, что «единицы» в яростном антагонизме уничтожают друг друга. Американско-японский политолог и футурист ➡

* Александр Сергеевич Панарин (1940–2003) — ученый с мировым именем, доктор исторических наук, заведующий отделением политологии философского факультета МГУ, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член пяти академий, в т. ч. Нью-Йоркской академии наук. А. Панарин критически подходил к официальной, господствующей в Советском Союзе марксистской догме, в то же время декаданс и пессимизм по другую сторону железного занавеса побуждали исследователя искать новые подходы и основания в экономике. Творческий взрыв, откровение приносит знакомство его с православным учением и святоотеческим опытом, которые вдохновили мыслителя на создание концепции человека нового Ренессанса. — Прим. авт.

Чем ценна лепта?

И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое (Мк 12:41–44).

Выражение «внести свою лепту» давно и прочно вошло в наше словоупотребление. Обычно предполагается, что это некий весьма скромный вклад. Однако Христос, напротив, оценивает две лепты вдовы выше всех богатых подношений. Что же представляла собой эта сумма — две лепты во времена земной жизни Спасителя?

Лепта — самый мелкий номинал для обозначения денежных сумм той эпохи. Название монеты — римское. Но тот факт, что вдова опустила свой дар в сокровищницу Храма, указывает, что монета была иудейской чеканки. Дело в том, что кроме тирских статиров римские оккупационные власти разрешили иудеям чеканить мелкую медную монету — пруту. Вероятнее всего, упомянутая в Новом Завете лепта была разнovidностью иудейской пруты. Как можно увидеть в тексте Евангелия, две лепты составляли кодрант — также мелкую медную монету. Четыре кодранта были равны одному медному же ассарию. А вот шестнадцать ассариев можно было обменять уже на серебряный динарий. Столько составляла тогда плата наемному работнику за один день. На эти деньги можно было купить ягненка. То есть вдова положила в сокровищницу 1/64 стоимости ежедневного заработка рабочего. В переводе на сегодняшний счет это примерно рублей двадцать. Но это было всё, что вдова имела. Большой уровень нищеты трудно себе представить. Однако Господь воздает награду, обращая внимание не на то, сколько человек жертвует, а на то, сколько у него остается после этой жертвы. Поэтому и сегодня каждый из нас не должен смущаться тем, что, возможно, у него недостаточно средств на дела милосердия в трудные времена. Обладая даже самым мизерным достатком, можно и нужно помогать ближним в ту меру, которая нам доступна. И пускай это будут совсем небольшие деньги. В любом случае, они, наверное, будут уж никак не меньше двух лепт вдовы по стоимости. Но зато и никак не ниже этих же двух лепт по цене в очах Господа.

Фрэнсис Фукуяма специально исследует вопрос о доверии в качестве первоосновы для политологических построений. Одна из книг автора имеет название «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». Краткое ее резюме: «Преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы деятельности, от которого избавлены общества с высоким уровнем доверия».

В глобализирующемся мире сложность экономических и политических связей делает людей и страны более связанными между собой. Будь мы экспертами и высокими должностными лицами или представляй из себя профанов, мы одинаково вынуждены делегировать свое доверие в сферы, непонятные для нас лично. «Мы не знаем машиниста поезда, на котором едем, капитана и штурмана корабля, на котором плывем, в большинстве случаев мы не знаем врача, с которым не только консультируемся, но которому доверяем наши тело и жизнь при хирургическом вмешательстве; зачастую мы не знаем адвоката, которому поручаем вести наше дело, а тем более судью, который принимает решение в нашу или не в нашу пользу. Во всех этих случаях мы полагаемся на то, что человек, пользующийся нашим доверием, 1) может и 2) хочет нам помочь», — говорит немецкий ученый-социолог Фердинанд Тённис.

Обрыв доверия становится поэтому критическим показателем, символом завершения цивилизационного цикла. «Все задолжали всем» — данная формула часто используется при описании ситуации в связи с финансово-экономическим кризисом, когда обязательства по долгам превышают возможности выплаты. Кризис долгов представляет, по большому счету, кризис доверия. Положительный выход из него связан, по сути, с сугубо гуманитарным фактором — способностью восстановить доверие.

Дарение вместо мены

Современная экономика являет собой грандиозное скопление вещей и услуг, находящихся в непрерывном движении. Посредством экономических связей человечество обменивается результатами своего труда. Исторически каждый человек участвовал в товарном обмене лично, уникальным образом и предлагал свое, наделенное уникальными чертами изделие, что придавало экономическому действию характер дарения, закладывало основу взаимной признательности и уважения, способствовало открытой атмосфере в обществе. Меновые процессы последнего времени, трактуемые в контексте глобального разделения труда, анонимны и обезличены; ключевое значение приобретает «рабочее место», а не сам работник; человеческий фактор мало-помалу теряет значимость. Большинство занятых на рынке труда выступают не как люди служения и долга, мастера своего дела, а как приложение к формальным организационным процессам.

Постепенно это приводит к определенной стагнации и к оскудению рабочей энергии. Когда-то, в начале эпохи Просвещения, человеческие воля и энергия были в преизбытке, дефицитным считалось одно только знание. В наши дни ровно нао-

борот: знаний и информации достаточно, тогда как воля и энергия представляют собой основной общественный дефицит. Как говорит А. Панарин: «Прежний буржуазный порядок, пользующийся людьми старого закала, действовал эффективно при средней норме прибыли 3-5%. Хозяин старого типа вставал в 4 часа утра, будил домочадцев и принимался за дело, не щадя сил и времени. Он напрягался, вряд ли поминутно спрашивая, а во что ему обойдется это напряжение, стоит ли его предпринимать, получит ли он уже к вечеру вознаграждение за усилия, предпринятые утром. О, он был готов ждать! ... Новый тип неврастенического эгоиста, постоянно опасющегося того, как бы не передать, не сделать больше, чем другие, способен только на краткосрочное инвестирование — с сегодня на завтра, да и то под гарантии самой высокой прибыли. Постоянно пребывая в опасении что-то передать, сделать лишнее, вложить без отдачи, этот тип не столько действует, сколько ищет тех, кто в простоте своей делает за него».

Дарение, личное отношение, профессиональное призвание, дело жизни — гуманитарные понятия, без которых маловероятно, чтобы живой дух смог вернуться в экономику и обеспечить ей новый виток развития.

«Космические» силы

Наступивший кризис есть также кризис урбанизированного устройства жизни. Первоначально, как известно, города черпали энергию от деревни, из которой в продолжение многих поколений лучшие, наиболее энергические силы перетекали на городскую индустриальную почву. Связь архаического человека с миром живого, естественного мироздания, любовь к его земле и к природному кругу явлений составляли «космическую», естественную первооснову работоспособности и воодушевления. Что станут делать города теперь, в эпоху сомнения и отчуждения от вселенского круга явлений?

Мегаполисы заключили своих обитателей в круг неживой материи, разорвали таинственную связь с мирозданием. Александр Панарин обращает внимание на феномен, называемый «вторичной дезадаптацией», — внутреннюю глухоту и пресыщение, отвращение к любой требующей усилий работе, на тоску отлученности от мира, возникающую у горожан третьего и последующих поколений. Это напоминает образы «лишних людей» из русской литературы XIX в. Техническая цивилизация давно жаждала и требовала от исполнителя четкого действия по инструкции. Ныне она остро переживает издержки технократического рационализма — многообразные проявления «машинизации» человека.

В основании кризиса экономики и национального суверенитета лежит кризис личности. Дезадаптированное общество хрупко, уровень его сопротивляемости низок, тогда как потребность в опеке огромна. На элементарном уровне кризис суммируется из миллионов «кризисных ячеек» — индивидуальных существований, потерявших опору в первичном природном опыте.

Под действием кризиса существует большой риск из цивилизованного состояния скатиться к новому варварству. «Теперь, когда цивилизации грозит

Мегаполисы заключили своих обитателей в круг неживой материи, разорвали таинственную связь с мирозданием.

вырождение, — говорит А. Панарин, — в результате иссякания социокультурной базы экономики, лишенной притока по-настоящему живых людей — носителей дара, самое время присмотреться к прежнему типу производительного человека и разгадать источники его животворящей энергии».

Экономика вне экономики

Не всё, из чего складывается благополучие общества, имеет прямое отношение

к прагматическому экономическому расчету. Значительную долю ценностей человечество создает в сферах культуры, образования, частной жизни, благотворительности. Совокупное социальное богатство шире капитала банков, торговли и промышленности. Рассмотрев жизнь человека целиком, вне рамок экономизации, мы обнаружим, например, что пресловутая «карьера» не имеет каких-либо качественных различий или преимуществ перед деятельностью домохозяйки. Дети и дом — это, если хотите, тоже карьера, долговременные стратегия и инвестиция, имеющие осязаемое материальное воплощение в будущем.

Еще относительно недавно, поколение-два назад человеческая жизнь протекала в совершенно ином эмоциональном русле. Милые сердцу воспоминания возвращают нас в обстановку крохотных бабушкиных комнат с цветами в горшках и статуэтками, где всё, невзирая на бедность, дышит порядком и основательностью. Кружевные салфетки, праздничный стол из разносолов собственного приготовления. Вкус чая с пирогом с ароматным вареньем. И — неторопливая беседа о жизни, о главном.

Степенность, не отменяющая расторопности, чувство достоинства без взгляда поверх голов... Нам, как бы пришельцам из иных миров, атомизированным и вечно куда-то мчащимся, трудно себе представить, чтобы под одним кровом могли ужиться представители нескольких поколений или чтобы няня, вырастив детей, по-прежнему оставалась жить в доме на правах члена семьи, не торопясь расквитаться и бежать куда-то в поисках очередных выгодных предложений.

Причина проста: образ жизни поколения наших бабушек-дедушек не был экономизирован. Они были рачительны в рамках обычаев своей эпохи, но им не приходило в голову непрерывно высчитывать эффективность, резоны и выгоды, постоянно тревожиться, как бы не прослыть маргиналами. Они были щедры душой, творили, опираясь на собственные умения, проверенные приемы, а не на гастарбайтеров, каталоги IKEA и сферу услуг, руководствуясь зовом души и совершеннейшей преданностью. При том, что работа в производительной экономике занимала в их жизни немалое место и поглощала много сил.

«От половины до двух третей совокупного общественного продукта, не учитываемого ника-

Евангелие про деньги

Какой талант самый важный?

Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать себя с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал, и кланяясь ему, говорил: государь! Потерпи на мне, и я всё тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились, и, придя, рассказали государю своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (Мф 18:23–35).

Сегодня слово «талант» воспринимается исключительно в контексте еще одной евангельской притчи — о закопанных талантах. Подразумевается, что это некая полученная от рождения способность, которую нельзя, что называется, зарывать в землю, а нужно непременно развивать. Однако в античном мире это слово имело куда более прозаический смысл

и обозначало меру веса. Изначально, в Греции он был равен одной стандартной амфоре воды, примерно 26 литров. Со временем талантами стали измерять деньги. Например, у иудеев серебряный талант весил примерно 44 кг. Но это вовсе не значит, будто существовала огромная монета такого веса. Талант был исключительно счетной единицей и употреблялся для определения очень больших денежных сумм. Так, в переводе на римские монеты талант во времена земной жизни Спасителя был равен 6000 динариев. Нетрудно сосчитать, что должнику из притчи нужно было заплатить царю шестьдесят миллионов динариев. И эта абсолютно невозможная к выплате сумма была ему прощена, после чего он отказался простить уже своему должнику неизмеримо меньший долг, за что и был наказан.

Понятно, что в притче Господь говорит о прощении вообще любых согрешений, в которых перед нами виновны наши ближние. Но во времена финансовых и экономических кризисов буквальный смысл этой притчи зачастую тоже становится актуальным: у людей по разным причинам появляются друг перед другом долги, которые они не в состоянии отдать в обещанный срок. И, наверное, здесь-то как раз самое время вспомнить притчу о немилосердном заимодавце, вспомнить о том, что, сколько бы денег у нас ни было, все они — не наши, все получены нами в управление от Господа. Который, до поры не требует с нас отчета об их употреблении. Но рано или поздно этот отчет придется дать каждому из нас. И, возможно, единственным оправданием тогда для кого-то сможет стать прощенный или отсроченный долг, за который он не стал терзать должника, подобно безжалостному заимодавцу из притчи. **Ф.**

Александр Ткаченко

кой экономической статистикой, дает бесплатный домашний труд женщины. Женский дар обществу относится к наиболее важной сфере производства социального и человеческого капитала. Социальный капитал, который созидался из поколения в поколение не учитываемым и не оплачиваемым семейным трудом женщины, — это капитал доверия, который затем, на протяжении всей взрослой жизни человека, авансировал любую его профессиональную и общественную деятельность. Многие столетия женщина несла свой бескорыстный дар в семью в виде неустанной заботы, неутомимой участливости, услужливого и любовного внимания, уделяемого мужу, детям, отцам и братьям. Накормленные и ухоженные заботливыми женскими руками, они уходили на работу, нисколько не задумываясь над тем, а сколько бы это стоило в случае предъявления счета? Не

Образ жизни поколения наших бабушек-дедушек не был экономизирован. Им не приходило в голову постоянно тревожиться, как бы не прослыть маргиналами.

задумывалось об этом и само общество, „бесплатно“ эксплуатирующее авторитарно-патриархальную мораль и традиционную жертвенность тех, кто по старинке следовал этой морали» (А. Панарин).

Кризис болезненнее всего ударяет по восприятию и образу жизни человека экономического. Это кризис потребительского мировосприятия, который в первую очередь рушит самодостаточность тех, кто привык всё мерить деньгами. Напротив, качества простоты и естественности, внеэкономические умения становятся более востребованы.

Вклад учителя, занятого воспитанием новых поколений, социального работника и добровольца, осуществляющего попечение о больных и престарелых, священнослужителя-пастыря и монашествующего нисколько не уступает, а, может быть, превосходит значение успехов медийно представленных образов предпринимателей и управленцев. Тем более что внеэкономическим отношениям в большей мере присуща энергия дара и в них меньше проявлен упадок живого духа.

Воспитание типа характера, готового к дарению, тесно связанного с родной землей и природой, сознательно принимающего неудобство условий и риск отношений, является позитивным заданием для общества, всех нас в ближайшее время. **Ф.**

Фото **Алексея Меньщикова**

